ком авторитетном жанре, как считали современники, покинул «свой шесток».[32]

Последние две жертвы майковского юмора, Лукин и Петров, стоят в центре литературных перепалок сатирических журналов 1769-го и следующих годов. Что объединяет автора и переводчика комедий Лукина и одописца Петрова, кроме стереотипных (и на фоне общего уровня литературного процесса XVIII века вряд ли оправданных) обвинений в бездарности?

П Н. Берков предполагает, что «писатели вроде Лукина и Петрова рассматривались „левым флангом", если так можно выразиться, тогдашней журналистики как писатели, выдвигаемые и покровительствуемые вельможной верхушкой, как соперники Сумарокова и Ломоносова. Поэтому в борьбе с ними принимают участие и „Трутень", и „Смесь", и „Адская почта", даже „Полезное с приятным"» [33] Однако предположение, что Лукин и Петров подвергались критике за их близость к власть имущим, малоубедительно (к тому же трудно сравнить протекцию Лукина И. П. Елагиным с покровительством императрицы Петрову). В эпоху, когда написание панегирических произведений вельможам входило в обычный круг занятий поэта, словосочетание «официозный автор»[34] тавтологично; смысл оно приобретает лишь в более позднее время, выдвинувшее образ писателя-бунтаря, «в свой жестокий век восславившего свободу». Могло ли Майкову, автору десятка од в честь одной лишь Екатерины, прийти в голову обвинять Петрова именно в «официозе»?

Лукина и Петрова, думается, объединяло то, что во второй половине 1760-х гг. их имена связывались с притязаниями на верховные посты русского Парнаса, занятые тогда Ломоносовым и Сумароковым. Придворные круги действительно «делали» из Петрова «второго Ломоносова».[35] Лукин, напротив, сам бросил Сумарокову перчатку, поместив в своих «Сочинениях и переводах» (1765) ряд намеков и едких замечаний в адрес первого русского комедиографа. Покровительствуемые вельможами или нет, в глазах современников оба писателя не могли соперничать со знамени-

[32] Другое объяснение дает И З Серман, считая, что «главной причиной вражды к Козельскому <были> привнесенные им в трагедию элементы слезной драмы, поскольку в „Пантее" показан только любовный конфликт и совершенно отсутствует обязательная в трагедиях Сумарокова этико-политическая проблематика» (*Серман И З* Ф. Я Козельский // Поэты XVIII века. Т. 1 С. 452)

[33] *Берков П Н* История русской журналистики XVIII века С 219

[34] *Серман И З* В П Петров // Поэты XVIII века Т 1 С 320

[35] *Новиков Н И* Опыт исторического словаря С 163, Смесь С 132